

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ

<Рецензия>

Жан-Жак Руссо. Собрание сочинений. Т. I.
Теории воспитания. Вып. II. СПб., 1866.

В этот второй выпуск вошли: конец *Эмиля*, со включением «Софьи, или Женщины» (глава о женщине сильно сокращена в русском переводе, в который вошло только то, что говорится собственно о воспитании женщины); изложение содержания «Новой Элоизы», сделанное г. Мильчевским; несколько писем Руссо к разным лицам о воспитании; знаменитая речь о вреде наук и примечания гг. Р-ова о кормлении грудью детей и *Флоринского*¹ — о содержании кормилицы и ребенка. Об «Эмиле» мы уже говорили. «Новая Элоиза», по плану русского издания, не должна бы была войти в него, но обойти ее вовсе издатель не счел удобным, тем более что в ней есть места, специально посвященные вопросу о воспитании. Поэтому переведены только именно эти места, а содержание собственно романа изложено г. Мильчевским. Надобно, впрочем, заметить, что педагогическая часть «Новой Элоизы» едва ли может иметь какое-нибудь значение, особенно поставленная рядом с «Эмилем». «Эмил» был написан позже, и в него вошла вся сущность теории воспитания, которой Руссо только мимоходом касается в «Новой Элоизе». Что касается до примечаний гг. Р-ова и Флоринского, то об них мы поговорим особо. Теперь же остановимся только на рассуждении: «Способствовало ли восстановление наук и искусств улучшению нравов?» Прежде всего мы недоумеваем — почему это рассуждение попало в первый том русского издания. Правда, оно имеет отношение к

воспитанию, но, по нашему мнению, его ни в каком случае не следовало отделять от рассуждения «О причинах неравенства между людьми», которое, вероятно, войдет во второй том, посвященный политическим теориям.

В 1750 году Дижонская академия предложила на премию вопрос: способствовало ли восстановление наук и искусств улучшению нравов? В числе соискателей явился Руссо, тогда еще вовсе неизвестный. Несмотря на то что представленное им исследование было ответом вовсе не на тот вопрос, который задала академия; несмотря на то что Руссо осмелился бросить в лицо ученому учреждению упрек в безнравственности учености и науки — он получил премию. Установившееся мнение об этой знаменитой диссертации гласит, что она есть парадокс в общем и ряд натяжек в частности. Тем хуже для покойной академии, а равно и для тех, которые не в силах опровергнуть этот парадокс и эти натяжки. Есть даже такие непроходимые либералы, которые обзывают Руссо за эту речь ретроградом, мраколюбом и проч. Что между протестом против знания Руссо и таковым же протестом В. И. Аскоченского² (да простит нам тень великого женева это сопоставление) есть громадная разница — об этом мы распространяться не будем. Но посмотрим, нет ли в этой красноречивой анафеме просвещению чего-нибудь, кроме парадоксов и натяжек, прикрытых риторическими блестками. Содержание диссертации известно: Руссо доказывает, что науки развратили нравы, что об руку с прогрессом знания идет падение добродетели. Что имел в виду Руссо, высказывая такое страшное положение, — факт или принцип? Самое ли знание несовместно с добродетелью или только, так сказать, его существующее воплощение? Руссо смешал эти два вопроса, хотя можно бы было указать на многие места его речи, в которых он видимо склоняется на сторону недовольства существующей только наукой. Например, на 596 стр. он говорит: «Когда говорят, что науки должны были бы делать, всегда думают, что сказали, что они действительно сделали. Однако же тут есть, мне кажется, большая разница». Разница, разумеется, громадная. Чем сделалась наука, эта великая сила, в руках присяжных ученых? Бессмысленной и бесцельной возней с мелочами или орудием темных общественных сил, играющих первую роль в жизни. Таково ли назначение науки?.. Оглянувшись на ход человеческой мысли и вникнув в значение и положение современной науки в общественной жизни, Руссо понял, куда ведет людей эта ложная, оторванная от жизни наука. Он предчувствовал

даже Мальтуса и разразился против его *будущей* теории грозной и красноречивой филиппикой в своем «Etude sur l'origine de l'inégalité des hommes»³. Понял и предчувствовал... и проклял науку. Ретроград был покойник, и всякий писака из «Петербургского листка»⁴ не в пример либеральнее его. Но мы не бросим в него (т. е. не в писаку, а в Руссо) за это камнем; в «Кн. Вест.» было уже высказано мнение, что «лучше никакой науки, чем наука лицемерная, бесцельная и бесчестная»⁵, а такого именно мнения был Руссо о современной науке, говоря: «У нас есть физики, геометры, химики, астрономы, поэты, музыканты, живописцы, но нет больше граждан» (стр. 581).

